

Т.В. Беднягина

К ПРОБЛЕМЕ ЖАНРОВО-КОМПОЗИЦИОННОГО СВОЕОБРАЗИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО «ЖИТИЯ МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ»

Статья посвящена изучению особенностей композиции «Жития Марии Египетской» в контексте жанрового подхода к изучению византийской и древнерусской литературы, развитого в теоретических работах В.В. Кускова. Автор настоящей статьи рассматривает изучаемый текст как один из примеров реализации композиционной схемы отшельнического жития, анализируя ряд тематических эпизодов, характерных для организации повествовательной структуры агиографических произведений данного типа.

жанровые каноны, тип святости, жанрово-композиционная схема, мотив, мученичества, отшельническое житие, уход в пустыню.

В работах профессора В.В. Кускова был разработан жанровый подход к изучению византийской и древнерусской агиографии¹. По мнению исследователя, строгие жанровые каноны являлись в византийской, а затем и в древнерусской литературе определяющими по отношению к содержанию и стилю произведений. В особенности это относится к жанрам церковным, прежде всего памятникам житийной литературы, отличающимся особой каноничностью и строгой ориентацией на сложившуюся традицию.

В.В. Кусков исходил из представления о том, что жанрово-композиционный тип конкретного житийного произведения определялся «типом святости» главного героя жития. Ученый предложил развернутую классификацию жанровых разновидностей византийской и древнерусской агиографии, основанную на выделении разных типов житийных героев. Эта классификация была затем принята и развита в научных статьях его учеников и последователей: Е.Л. Конявской, С.В. Минеевой, А.М. Ранчина, А.Н. Ужанкова и др.

В.В. Кусков в своих специальных курсах лекций, посвященных житийной литературе, особое внимание уделял жанрово-композиционному своеобразию легендарных византийских житий, в том числе житий раскаявшихся блудниц-грешниц («Житие Марии Египетской» и «Раскаяние святой Пелагии»). При этом он рассматривал данные тексты как один из вариантов реализации жанрово-композиционной схемы мученичества, в котором основной конфликт перенесен из

¹ Кусков В.В.: 1) Древнерусские предания (XI–XVI вв.) / сост., вступ. ст. и коммент. В.В. Кускова ; подгот. древнерус. текста и пер. В.В. Кускова, В.А. Грихина, Г.Ю. Филипповского. М., 1982 ; 2) Жанры и стили древнерусской литературы XI – первой половины XIII в. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1980 ; 3) О социологическом изучении древнерусской агиографии // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1990. № 2. С. 3–12 ; 4) Характер средневекового мирозерцания и система жанров древнерусской литературы XI – первой половины XIII века // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1981. С. 3–12.

внешней сферы столкновения представителей двух вер в сферу внутреннюю – борьбы человека с греховными страстями².

Подход В.В. Кускова к характеристике жанрового своеобразия данных текстов пытались оспорить. Так, в частности, «Житие Марии Египетской» многие исследователи рассматривают как произведение, относящееся к особой жанровой разновидности житийной литературы, характеризуя его как «житие раскаявшейся блудницы-грешницы»³. Однако при таком подходе к этой жанровой разновидности в полной мере оказываются отнесенными только два текста: «Житие Марии Египетской» и «Раскаяние святой Пелагии». Ученица и последовательница В.В. Кускова С.В. Минеева предложила отнести данные произведения к разновидности отшельнического жития, дополнив рассуждения В.В. Кускова о разных жанрово-композиционных типах житийной литературы анализом основных мотивов, характерных именно для житий отшельников и пустынников (мотивы ухода из «мира», разрыва с «миром»; усиленное внимание к реализации мотива борьбы с бесами; характерная реализация заключительной части житийной композиции, посвященной кончине святого)⁴.

В настоящей статье мы специально обратимся к проблеме жанрово-композиционного своеобразия «Жития Марии Египетской».

На наш взгляд, «Житие Марии Египетской» вряд ли в полной мере соответствует характерным требованиям жанрово-композиционной схемы христианского маририя. Герой маририя уподобляется Христу-человеку в его страданиях и смерти на Кресте. В основе композиции маририя лежит непримиримый конфликт между верным христианином, до конца отстаивающим свои убеждения, и императором-язычником, неизбежно оказывающимся победителем физически, но побежденным морально силой духа своего противника⁵. В «Житии Марии Египетской» такого конфликта нет. Мария только однажды и в очень общих чертах упоминает об императорах в самом начале беседы со старцем Зосимой, задав ему вопрос: «Зачем ты пришел ко мне, грешной человеце? <...> Как императоры? Как устроятся дела церковные?»⁶. На это Зосима дает довольно пространственный ответ, опять же совсем не упоминая и даже не имея в виду конкретных императоров: «Коротко сказать, по твоим, мать, святым о нас молитвам Христос даровал всем прочный мир»⁷. Приведенные фразы наглядно свидетельствуют об отсутствии в тексте Жития конфликта между верными христианами и императорами-язычниками.

Герою «классического» маририя не присущи внутренние борения – он идет на смерть решительно и бесстрашно⁸. Мария Египетская, наоборот, посто-

² Минеева С.В. Проблема комплексного анализа древнерусского агиографического текста. Курган : КГУ, 1999. С. 139–140.

³ Солоненко Л.В. Поэтика древнерусских женских житий : дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2006.

⁴ Минеева С.В. Проблема комплексного анализа ... С. 137–140.

⁵ Там же. С. 132.

⁶ Житие Марии Египетской, бывшей блудницы, честно подвизавшейся в Иорданской пустыне // Византийские легенды / подгот. С.В. Поляковой. Репринт с изд. 1972 г. М., 1994. С. 89.

⁷ Там же.

⁸ Минеева С.В. Проблема комплексного анализа... С. 132.

янно борется с греховными мыслями, с дьявольскими искушениями, что в полной мере свидетельствует о ее мужестве и твердом решении следовать намеченной цели. Бывшая блудница рассказывает Зосиме о том, что происходило с ней в первые годы ее пустынножительства: «Истинно, авва, семнадцать лет я сражалась в этой пустыне с необузданными своими страстями, как с лютыми зверьми. Когда я садилась есть, мне хотелось мяса и египетской рыбы, хотелось вина... Посещала меня и безрассудная тоска по разгульным песням, постоянно смущая меня и побуждая напевать их демонские слова, которые я помнила... Я постоянно сражалась с кознями и ужасными искушениями дьявола»⁹.

Особое внимание в византийских мартириях уделено описанию пыток, «мучений» героев, что усиливает внешний драматизм повествования, подчеркивая непреклонность противников и мужество главного героя¹⁰. Рассказ о подвиге святого – обязательный мотив композиционной организации житийных текстов различных жанров. Автор Жития пишет о страданиях, испытываемых Марией в пустыне, но в тексте произведения нет подробного описания пыток и «мучений» героини, что характерно для мартирия. Действительно, как отмечал В.В. Кусков, здесь в большей степени дается внутренняя, душевная, борьба раскаявшейся грешницы, но внешних и явных противников у нее нет.

В мартирии практически отсутствует элемент биографический и хронологический: описывается не жизнь героя, а только кульминационная точка этой жизни, его героическая мученическая смерть. Читатель практически ничего не знает о его предшествующей жизни¹¹. Рассказ же Марии о ее жизни построен хронологически: сначала она упоминает о детстве и родителях, затем описывает разгульную жизнь до прозрения и обращения в христианство, повествует о своих первых шагах на «пути к святости» (посещение храма, переход через Иордан, уход от «мира» в пустынь) и в конце рассказывает о своих нынешних днях, проводимых в пустыне в полном одиночестве и в постоянной внутренней борьбе с греховными мыслями.

Все сказанное, на наш взгляд, позволяет усомниться в том, что «Житие Марии Египетской» можно отнести в жанрово-композиционном отношении к мартириям.

Нам представляется, что изучаемое произведение с большей степенью уверенности можно рассматривать как вариант реализации жанрово-композиционного типа отшельнического жития. Как считает С.В. Минеева, жития отшельнические возникли исторически, видимо, даже позднее, чем жития преподобнические, поскольку этот тип подвижничества являлся вторичным по отношению к общежительному монашеству, а главный содержательный мотив, определивший всю композицию таких произведений, может быть охарактеризован как «мотив ухода», «бегства от мира»¹². Тема «ухода», «разрыва» присутствует и в композиции преподобнического жития (святой бежит из родительского дома в монастырь, для того чтобы полностью посвятить себя служению Богу), хотя в последнем она не является доминирующей по отношению к остальным: в определенный период

⁹ Житие Марии Египетской... С. 93–94.

¹⁰ Минеева С.В. Проблема комплексного анализа... С. 132–133.

¹¹ Там же. С. 133.

¹² Минеева С.В. Проблема комплексного анализа... С. 137.

своей жизни святой принимает решение «порвать с миром» и принять монашеский постриг. Преподобный должен быть учителем и воспитывать свою братию «словом и делом»¹³, избрав путь «богоподражания», поставив в центр своей жизни в отличие от отшельников задачу сочетания любви к Богу с любовью к ближним, которая должна была заключаться и проявляться в воспитании и заботе о братии. В иноческом уставе было принято и закреплено правило, запрещавшее монахам переходить из монастыря в монастырь, предписывавшее с терпением и до конца подвизаться в избранной раз и навсегда обители¹⁴. И все-таки в какой-то степени преподобным было легче, чем избравшим жизнь в полном одиночестве отшельникам: уйдя из «мира», они постоянно испытывали поддержку братии, пример других не давал оступиться и помогал побороть греховные мысли.

Развивая тему евангельских рассказов о раскаявшихся блудницах и ориентируясь на образ Марии Магдалины, автор «Жития Марии Египетской» кладет в его основу контраст между предельно грешной и предельно благочестивой жизнью своей героини, между крайним падением и крайним возвышением человеческого духа, между красотой внешней и красотой духовной. «Бегство от мира» в данном случае полностью обусловлено греховностью этого мира. Величайшие грехи искупаются величайшим подвижничеством. Крайности, исконно присущие отшельничеству, необходимы и полностью обусловлены здесь жизненными обстоятельствами¹⁵.

Мария бежит в заиорданскую пустыню, где проживет последние 47 лет своей жизни. Проводя время в молитвах, посте и покаянии, она, рассчитывая только на свою силу духа, выбирает более суровый подвиг.

Отшельники удалялись в «прекрасную мати пустыню», то есть в безлюдные места, чтобы очиститься от дьявольского наваждения, покинув этот погрязший в пороках мир. «Пустынное учение» – спасительная альтернатива во всепоглощающем царстве Антихриста. Уход в пустыню, как отмечает Е.А. Полетаева, мотив еще библейский, ветхозаветный. Пророки уходили в пустыню, чтобы слышать «глас Господень» – наедине беседовать с Богом¹⁶.

Пустыня – Богом отмеченное место земли и принадлежит ей как ее лучшая часть. Недаром и землю, и пустыню называют «матю». Пустыню, противопоставленную миру, иногда сравнивают с раем. Жизнь в пустыне – подвижничество, каждодневный труд. Если рай для грешных «затворен бысть», то пустыня открыта для всех, кто готов ради спасения души претерпеть испытания в голоде, холоде, одиночестве. Земля и небо противопоставлены и тесно связаны: грешный земной мир противостоит и отделен от светлого рая, однако пустыня представляет некоторую «зону перехода»¹⁷.

Монашество всегда тяготело к отшельничеству, лучшие его представители искали «внутренней пустыни»¹⁸. Уход в пустыню как полное отречение

¹³ Там же. С. 143.

¹⁴ Там же. С. 138–140.

¹⁵ Там же. С. 140.

¹⁶ Полетаева Е.А. «Уход в пустыню» в древнерусской и старообрядческой книжности // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1998. С. 198.

¹⁷ Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. С. 118–119.

¹⁸ Полетаева Е.А. «Уход в пустыню» ... С. 199.

от мира и его страстей сыграл решающую роль в жизни Марии. Таким образом, «мотив ухода», «бегства от мира» полностью реализован и является основным компонентом жанрово-композиционной схемы «Жития Марии Египетской», что позволяет с немалой долей уверенности отнести его к типу отшельнических житий.

Жития отшельнические и жития преподобнические имеют между собой много общих черт. Поскольку отшельнические и преподобнические жития относятся к композиционному типу «житий-биос», основу их композиции должно составлять последовательное повествование о жизни подвижника, повествующее прежде всего о нравственных добродетелях и подвигах своих героев¹⁹.

Как и все произведения житийной литературы, организация текста отшельнического жития подчиняется определенным канонам.

В процессе анализа жанрово-композиционного своеобразия конкретных агиографических текстов В.В. Кусков исходил обычно из выявления структурных компонентов композиционной житийной схемы, то есть выделял последовательный набор канонических эпизодов, характерный для данной жанровой разновидности или для конкретного памятника. В выделении канонических компонентов жанровой житийной схемы В.В. Кусков следовал русской классической традиции конца XIX – начала XX века, изложенной в работах Х.М. Лопарёва²⁰ и П.В. Безобразова²¹. В последнее время в среде ученых получила широкое распространение концепция литературных житийных топосов, нашедшая развитие в трудах Т.Р. Руди²² и других исследователей, в частности, Ю.В. Семенюк²³. В дальнейшем мы берем за основу подход к анализу житийной композиции, разрабатывавшийся В.В. Кусковым²⁴ и продолженный его последователями.

Для многих ранних византийских житий была характерна сложная композиция, которая не ограничивалась только реализацией компонентов структурной житийной схемы. В основе «Жития Марии Египетской» лежит сложный тип композиционной организации повествования – «рассказ в рассказе», истоки которого, видимо, следует искать в риторических традициях, унаследованных византийской литературой от античности. Композицию «Жития Марии Египетской» можно рас-

¹⁹ Минеева С.В. Проблема комплексного анализа... С. 137.

²⁰ Лопарёв Хр. Византийские жития святых VIII-IX веков // Византийский временник. Т. 17. СПб., 1910.

²¹ Безобразов П.В. Византийские сказания. Ч. I : Рассказы о мучениках. Юрьев, 1917 (Тип. К. Маттисена).

²² Руди Т.Р. Средневековая агиографическая топика (принцип *imitatio* и проблемы типологии) // Литература, культура и фольклор славянских народов : XIII междунар. съезд славистов, 2003, Люблина : доклады российской делегации. М., 2002. С. 40–55.

²³ Семенюк Ю.В. Сюжетно-композиционная структура славяно-русской переводной агиографии Киевского периода : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2009.

²⁴ Кусков В.В.: 1) Древнерусские предания (XI–XVI вв.) ; 2) Жанры и стили древнерусской литературы XI – первой половины XIII в. ; 3) О социологическом изучении древнерусской агиографии ; 4) Характер средневекового мирозерцания и система жанров древнерусской литературы XI – первой половины XIII века.

смагивать в качестве усложненной. Сюжет состоит из нескольких ведущих мотивов (мотив запрета на передвижение, мотив раскаяния, мотив ухода в пустыню, мотив безмолвия, мотив поста и умерщвления плоти, мотив помощи животного человеку), соединение которых строго продумано и сбалансировано. Такая сюжетная конструкция могла родиться только в мастерской агиографа²⁵. Несмотря на усложненный тип композиции, в Житии реализуется классическая житийная схема построения произведения.

Х.М. Лопарёв установил факт реализации и усвоения составителями текстов житий-биос так называемой «агиографической схемы». В главной части жития исследователь выявил ряд обязательных элементов данной схемы: упоминания о предках (родителях) героя и о его родине, имя святого, посвящение, имущественное положение, обучение, отношение к браку, аскеза, историческая часть, кончина, чудеса²⁶.

Ю.В. Семенюк говорит о том, что агиографические произведения обычно строятся по следующему плану: детские годы – «благовествование» – рассказ о подвиге святого – смерть святого – посмертные чудеса. При этом исследовательница подчеркивает, что конкретная композиционная структура отдельного жития может не во всем соответствовать этому плану. Некоторые позиции часто оказываются невостребованными, другие же расширяются за счет дополнительных эпизодов; структура конкретного жития может быть разной по сложности, включать в себя большее или меньшее количество эпизодов, которые в свою очередь соединяются в относительно сюжетно завершённые части. Эти эпизоды, по наблюдениям исследовательницы, объединяясь в относительно сюжетно завершённые части, имеют определенную последовательность: хронологическую, ахронологическую, смешанную²⁷.

Обратимся к рассмотрению вопроса о том, как канонические компоненты композиционной схемы жития-биос реализованы в «Житии Марии Египетской».

Мотив упоминания о родителях и детских годах, на наш взгляд, раскрыт в данном житийном тексте слабо. О родителях и детстве в Житии упоминает только сама героиня, больше об этом не говорится ни слова. Мария рассказывает Зосиме, как она в раннем возрасте ушла от родителей в Александрию.

Далее из рассказа Марии старец Зосима узнает, что в Александрии она жила как блудница; затем, попав в Иерусалим, внезапно раскаялась и уверовала во Христа. Мотив раскаяния редко встречается в агиографических текстах, так как большинство героев житий с детства выбирают путь «достижения святости» и ведут жизнь, полную добродетелей, отказываясь от мирских радостей. Автор Жития опять же словами самой героини довольно подробно описывает разгульную и греховную жизнь Марии до ее духовного прозрения. На наш взгляд, описание нечестивой жизни Марии здесь дается прежде всего для того, чтобы уси-

²⁵ Селиванов Ю.Б. К вопросу о литературных источниках жития Марии Египетской // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1993. Сб. 6. Ч. 1. С. 23.

²⁶ Лопарёв Хр. Византийские жития святых VIII–IX веков. С. 15.

²⁷ Семенюк Ю.В. Сюжетно-композиционная структура славяно-русской переводной агиографии... С. 9.

лить мотив раскаяния, подчеркнуть подвиг отказа героини от прежней жизни, показать его как еще более суровый.

В качестве одного из значимых компонентов структуры, влияющих на построение житийного текста, Ю.В. Семенюк выделяет фрагмент, условно названный ею эпизодом «благовествования». Его содержание, как правило, сводится к следующему: некое высшее существо (Бог, ангел, архангел, святой) является герою в «тонком» сне, после молитвы или в иной ситуации и сообщает о том, какой путь ему надлежит выбрать или какой путь ему определен. По своему характеру и структуре агиографические эпизоды «благовествования» схожи с известным евангельским эпизодом и, очевидно, генетически восходят к нему²⁸.

Эпизод «благовествования» не только определяет в самых общих чертах путь подвижничества агиографического героя, но и «программирует» дальнейшее развитие действия в тексте жития. Одна из смысловых и сюжетообразующих функций данного мотива в рассматриваемом агиографическом произведении – обретение героиней своего жизненного пути, что и влияет на дальнейшее развертывание сюжета в рамках всего текста²⁹. В Иерусалиме, не сумев попасть в храм, Мария раскаялась и вознесла слезную молитву Богородице, икона которой находилась здесь же, в притворе.

Лик Богородицы на православной иконе полон скорби и любви: Божья Мать сострадает людям и плачет об их грехах. В христианской культуре велико уважение к страданию, к способности переносить удары судьбы и сострадать ближним. Страдание рассматривается как путь к очищению и преображению личности³⁰. Если Иисус Христос – законодатель и судья, то Богородица – утешительница и заступница. Образ Богородицы, связанный с идеей Троицы и с культом матери-земли, является соединительным звеном между небом и землей³¹.

После молитвы Богородице Мария беспрепятственно вошла в храм: «Затем я достигла дверей, дотоле недоступных для меня, и, словно сила, прежде препятствовавшая, теперь пролагала мне дорогу, свободно преступила порог...»³². Таким образом, героиня попадает в так называемое «иномирие» и с этого момента для святой начинается совсем другая жизнь.

В агиографии чужое пространство, или «иномирие», несет «свет» и добро, герои житий стремятся уйти в мир иной, это цель их жизни. Святые хотят достичь мира рая еще при жизни, но это не легкий путь. Символически уход героя в «иное», «не свое» пространство изображает духовное продвижение вперед, новую бытийную высоту³³. Композиционно иномирие включается в литературные тексты чаще всего на сильных, особо отмеченных позициях: завязке действия или его кульминации. Суть и расстановка всех основных ее участников про-

²⁸ Семенюк Ю.В. Сюжетно-композиционная структура славяно-русской переводной агиографии... С. 14–15.

²⁹ Там же. С. 16.

³⁰ Волкова Е.И. Сюжет о спасении в русской, английской и американской литературе. М., 2001.

³¹ Никитина С.Е. Устная народная культура... С. 115.

³² Житие Марии Египетской... С. 92.

³³ Рычкова Е.В. Символика пространства в диалоге мифа и литературы: Монография. Курган: КГУ, 2008. С. 9.

являются именно там, в иномирии, – месте встречи с судьбой, которое определено вековыми символическими традициями и «изменить» которое воистину нельзя³⁴. Противопоставление «своего» и «чужого» мира и пространства организует сюжет «Жития Марии Египетской» и лежит в основе его композиции.

В Житии используется композиционный прием «рассказ в рассказе», поэтому имеет место удвоение эпизода «благовествования», связанное с удвоением сюжетных линий: «благовествование» приходит и старцу Зосиме³⁵: «Однажды старцу предстает некий муж и говорит ему: “Зосима, ты славно и, насколько это в силах человеческих, подвизался, и славно прошел монашеское поприще. Однако никто не достигает совершенства и ожидающий его подвиг труднее уже совершенного, хотя человек этого и не ведает. Чтобы ты узнал, сколько есть еще других дорог ко спасению, уйди из родной земли и из дома отца твоего, подобно тому славному праотцу Аврааму, и ступай в монастырь вблизи реки Иордана”»³⁶.

Итак, Мария Египетская удаляется в пустыню, где предается строжайшей аскезе. Обязательным, на наш взгляд, в композиции отшельнического жития является мотив «безмолвия». Сама «безмолвная жизнь» характеризуется в житиях весьма абстрактно, поскольку для выражения ее сути и смысла вовсе не нужны конкретные внешние описания и события, ведь она именно и заключается во «внутреннем делании», которое должно быть незаметным для окружающих, да и свидетели этой жизни, как правило, отсутствуют по объективным причинам³⁷. Мария до встречи с Зосимой не произнесла ни слова. Безмолвная жизнь Марии была обусловлена отсутствием людей в пустыне, а вследствие этого отсутствием возможности поговорить хоть с кем-то, облегчить душу. Мотив «безмолвия» реализуется еще в одной ситуации: Мария берет со старца Зосимы обещание не рассказывать никому об их встрече: «Все, что ты услышал, человеке, заклиная тебя нашим Спасителем Христом, никому не рассказывай, пока Бог не разрешит меня отселе»³⁸. Таким образом, Зосима «весь год молчал, не смея никому рассказать то, что он видел»³⁹.

Другим обязательным элементом композиции отшельнического жития является развернутое описание борьбы святого с бесами, которая составляет в соответствии с аскетическим учением основное содержание жизни и главное испытание для безмолвника⁴⁰. Ни один житель пустыни не избежал бесовских искушений и мечтаний, но, претерпев все, нередко удаивался беседы с Богом или ангелами, служения зверей пустыни⁴¹. Целых 17 лет Мария боролась «с кознями и ужасными искушениями диавола».

³⁴ Там же. С. 41–43.

³⁵ Семенюк Ю.В. Сюжетно-композиционная структура славяно-русской переводной агиографии... С. 16.

³⁶ Житие Марии Египетской... С. 85.

³⁷ Минеева С.В. Проблема комплексного анализа... С. 139.

³⁸ Минеева С.В. Проблема комплексного анализа... С. 95.

³⁹ Там же. С. 95.

⁴⁰ Там же. С. 139.

⁴¹ Полетаева Е.А. «Уход в пустыню»... С. 199.

С мотивами безмолвия и борьбы с бесами тесно связаны мотив поста и мотив умерщвления плоти, которые также реализуются в жанрово-композиционной схеме данного произведения. За все время своего пребывания в пустыне Мария практически ничего не ела. На милостыню (три фолия), которую Марии подали при выходе из храма, она «купила три хлеба и взяла их в благословение пути своего»⁴². На вопрос Зосимы о том, чем же питалась Мария, живя в пустыне, она отвечает: «Два с половиной хлеба были у меня с собой, когда я переправилась через Иордан; вскоре они зачерствели и высохли, и я их понемногу съела... Съев те хлебы, о которых упомянула, я 17 лет питалась травами и тем, что могла найти в пустыне»⁴³.

Здесь же присутствует и мотив отказа от одежды. При первой встрече в пустыне Мария предстает перед Зосимой нагой. Впоследствии святая в разговоре со старцем объясняет это следующим образом: «Гиматий же, бывший на мне, когда я переправилась через Иордан, сносился. Мне пришлось немало страдать от холода и летнего зноя, когда меня палила жара или, дрожащую, сковывал холод, так что часто я падала наземь и лежала почти бездыханно и недвижимо»⁴⁴.

От насельников пустыни требовалось соблюдение самых строгих аскетических правил⁴⁵. Таким образом, Мария практически полностью отказывается от еды и одежды, считая это соблазнами, осаждающими ее «злосчастную душу», и «ужасными искушениями диавола». Помогает ей вера в Бога и постоянная поддержка «ее поручительницы» Богородицы.

По замечанию С.В. Минеевой, важная проблема, с которой неизбежно сталкивается отшельник, это невозможность исполнять Церковные Таинства, а главным таким Таинством, позволяющим постоянно поддерживать установленную в крещении внутреннюю связь человека с Богом, как раз и является Таинство Причастия⁴⁶. Жизнь в пустыне подразумевала спасение вне Таинств Церковных, главным образом Причастия, через добродетельное житие, наилучшим образом проводимое в пустыне⁴⁷. Однако в конце жизни все пустынножители и отшельники стремились найти возможность принять причастие. Именно осуществление желания получить причастие хотя бы в конце жизни, перед смертью, время которой, в соответствии с канонами, святой всегда предчувствует заранее, составляет обычно содержание последней части композиции отшельнического жития, части, нередко отличающейся особой сюжетностью. В этот момент в житии появляются новые персонажи, роль которых заключается в том, что им в качестве благодати дарована честь стать свидетелями кончины святого отшельника. Сама кончина как кульминационный момент, как итог жизни, свиде-

⁴² Там же. С. 93.

⁴³ Там же. С. 93–94.

⁴⁴ Там же. С. 94.

⁴⁵ Там же. С. 204.

⁴⁶ Минеева С.В. Проблема комплексного анализа... С. 139.

⁴⁷ Полетаева Е.А. «Уход в пустыню»... С. 208.

телем которой был только Бог, также в отшельническом житии оказывается обычно скрытой от окружающих⁴⁸.

Перед уходом Зосимы Мария обращается к нему с характерной просьбой: «В день святой Тайной вечера возьми для меня в священный и достойный подобных таинств сосуд от Животворного Тела Христова и Крови и стой на том берегу Иордана, который ближе к поселениям, чтобы я могла прийти и причаститься Святых Даров»⁴⁹. Мария, очевидно, предчувствует свою кончину и стремится получить причастие перед смертью. Зосима не пренебрег просьбой святой и через год, когда «наступил день Тайной вечера, он сделал то, о чем женщина просила его».

Важное место в композиции житий занимают рассказы о прижизненных и посмертных чудесах святых. В данном случае само появление Марии происходит чудесным образом: «И видит тогда (ночь выдалась лунная), как святая осенила крестным знаменем Иордан и вступила в воду, и пошла по воде немокренно, и направилась к нему»⁵⁰. Святая, причастившись Животворящих Тайн, попросила старца через год снова прийти в то место, где произошла их первая встреча.

Зосима, через год придя на условленное место в пустыню, нашел святую скончавшейся. Из надписи, оставленной ею в головах, он узнал имя преподобной и время ее кончины (она скончалась еще год назад, сразу после причащения Святых Тайн). Далее здесь реализован еще один житийный мотив – мотив помощи животного человеку. С помощью неизвестно откуда появившегося льва Зосима передает тело святой погребению.

Итак, Зосима в Житии выступает в роли того самого необходимого для отшельнических житий «нового персонажа», который приносит причастие святой, не догадываясь о том, что это ее предсмертная просьба, и которому дарована честь стать свидетелем кончины отшельницы и поведать о ней людям.

Таким образом, произведенный нами анализ композиционной структуры «Жития Марии Египетской» позволяет, на наш взгляд, в жанрово-композиционном отношении рассматривать этот текст как один из примеров реализации канонической композиционной схемы жития отшельнического. Об этом говорит ряд характерных тематических эпизодов, организующих повествовательную структуру данного произведения и находящих себе соответствие именно в агиографических текстах, повествующих о жизни отшельников-анахоретов. С другой стороны, в содержательном плане этот текст можно рассматривать и как «житие раскаявшейся блудницы-грешницы», традиции которого получают дальнейшее развитие в позднейшей русской литературе, в романах Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, и как «психологический вариант» христианского мученичества, как считал В.В. Кусков, поскольку отшельники-анахореты, проводящие жизнь в постоянных лишениях и борьбе с бесовскими кознями, неслучайно приравнивались Церковью к мученикам.

⁴⁸ Минеева С.В. Проблема комплексного анализа... С. 139.

⁴⁹ Житие Марии Египетской... С. 95.

⁵⁰ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безобразов, П.В. Византийские сказания [Текст]. – Ч. I : Рассказы о мучениках. – Юрьев, 1917 (Тип. К. Маттисена).
2. Волкова, Е.И. Сюжет о спасении в русской, английской и американской литературе [Текст]. – М., 2001.
3. Житие Марии Египетской, бывшей блудницы, честно подвизавшейся в Иорданской пустыне [Текст] // Византийские легенды / подгот. С.В. Поляковой. Репринт с изд. 1972 г. – М. : Ладомир, 1994. – С. 84–98.
4. Кусков, В.В. Древнерусские предания (XI–XVI вв.) [Текст] / сост., вступ. ст. и коммент. В.В. Кускова ; подгот. древнерус. текста и пер. В.В. Кускова, В.А. Грихина, Г.Ю. Филипповского. – М., 1982.
5. Кусков, В.В. Жанры и стили древнерусской литературы XI – первой половины XIII в. [Текст] : автореф. ... д-ра филол. наук. – М., 1980.
6. Кусков, В.В. О социологическом изучении древнерусской агиографии [Текст] // Эстетика идеальной жизни. Избранные труды. – М. : Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2000. – С. 115–126.
7. Кусков, В.В. Характер средневекового мирозерцания и система жанров древнерусской литературы XI – первой половины XIII века [Текст] // Вестник МГУ. – Сер. 9, Филология. – 1981. – С. 3–12.
8. Лопарев, Хр. Византийские жития святых VIII–IX веков [Текст] // Византийский временник. – СПб., 1910. – Т. 17. – С. 15.
9. Минеева, С.В. Проблема комплексного анализа древнерусского агиографического текста [Текст]. – Курган : Изд-во КГУ, 1999.
10. Никитина, С.Е. Устная народная культура и языковое сознание [Текст]. – М. : Наука, 1993.
11. Полетаева, Е.А. Уход в пустыню в древнерусской и старообрядческой книжности [Текст] // Уральский сборник. История. Культура. Религия. – Екатеринбург, 1998. – С. 198–213.
12. Руди, Т.Р. Средневековая агиографическая топика (принцип imitatio и проблемы типологии) [Текст] // Литература, культура и фольклор славянских народов : XIII междунар. съезд славистов, Любляна, 2003 : Доклады российской делегации. – М., 2002. – С. 40–55.
13. Рычкова, Е.В. Символика пространства в диалоге мифа и литературы [Текст]: монография. – Курган : Изд-во КГУ, 2008.
14. Селиванов, Ю.Б. К вопросу о литературных источниках жития Марии Египетской [Текст] // Герменевтика древнерусской литературы. – М., 1993. – Сб. 6. – Ч. 1. – С. 5–26.
15. Семенюк, Ю.В. Сюжетно-композиционная структура славяно-русской переводной агиографии Киевского периода [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Орел, 2009. – 22 с.
16. Солоненко, Л.В. Поэтика древнерусских женских житий [Текст] : дис. ... канд. филол. наук. – Владивосток, 2006. – 176 с.

T.V. Bednyagina

**MARY OF EGYPT IN BYZANTINE HAGIOGRAPHY.
GENRE PECULIARITIES**

The paper analyzes the composition and genre peculiarities of the Byzantine hagiographic text describing the life of Mary of Egypt. The author highlights that the composition of the text is typical of hagiographic texts describing the eremitic life.

genre peculiarities, sanctity, motive, eremitic life, desert dwelling.